

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Эс

— Это правда, что в тбилисских школах классные руководители в пожарном порядке заменили в учебных тетрадях обложки с иллюстрациями к стихотворению Пушкина «Песнь о вещем Олеге»? — спросила она.

— Конечно, правда, — отозвался Рамаз.

— И что же напугало там учителей?

— Художник — враг народа — ловко вписал в замысловатый рисунок буквы, которые составили слова «Долой НКВД».

Верико долго молчала, потом, как-то сразу сникнув, тихо произнесла:

— Смелый художник.

Племянник Верико Гия, который теперь известный кинорежиссер, народный артист СССР Георгий Николаевич Данелия, однажды пожаловался тете:

— Рамаз, Чико и Тэммо бессовестно жульничают, когда играют со мной в шахматы и шашки.

— Мальчик мой! — воскликнула Верико. — Какое счастье, что это вызывает у тебя чувство протеста, а не желание подражать им!

Рамазу и мне было по 15 лет, когда Верико повела нас в свой театр на спектакль «Уриэль Акоста» по пьесе К. Гуцкова.

Играла она Юдифь самозабвенно, трепетно, оказывая прямо-таки магическое воздействие на публику. Под стать ей были партнеры: Пьер Кобахидзе, Шалва Гамбашидзе, Серго Закариадзе.

После спектакля мы с Рамазом ждали Верико в «эмке» Чиаурели.

Она, выйдя из здания театра, быстро пересекла тротуар и, порывисто открыв дверцу машины, уехала рядом с водителем Мишей Заргаряном.

— Кретины! Идиоты! — сердито выпалила она, раздраженно поправляя под собой полу пальто.

— Мы все? — невозмутимо спросил Миша, поворачивая ключ зажигания.

— Верико Ивлиановна, ваши героини в театре и кино — представительницы самых разных народов: грузинки и русские, француженки и итальянки, немки и еврейки. Как вам удается предельно достоверно передавать особенности их характеров?

— Очень просто. Я стараюсь выявлять в персонажах не столько национальные, сколько общечеловеческие черты.

Еще одно интервью.

— Кто вам ближе: Маяковский или Есенин?

— Лермонтов.

— Чайковский или Палиашвили?

— Бетховен.

— Репин или Пикассо?

— Пиромани.

— Актеры одного из литовских театров, — вспоминала Верико на своем творческом вечере в ВТО, — искренне удивлялись, что я, не зная языка и содержания пьесы, в общем-то восприняла их спектакль. А удивляться надо было не им, а мне. Они играли так здорово, что пластикой и интонацией заменили конкретные значения слов.

— Тэммо, я слышала, ты в восторге от Франции. Франция — это...?

— Лувр, Монмартр, уличные кафе. И еще музей Родена.

— Странно... Ты забыл парижанок.

На троллейбусной остановке в Тбилиси Верико невольно прислушалась к беседе молодых грузинских парней, по-видимому, студентов.

Спустя некоторое время она обратилась к ним:

— Юноши, простите, на каком это языке вы разговариваете? Что ни фраза — жаргонная головоломка, что ни слово — русизм, тюркизм. И сплошные междометия: «Э-э!», «Ва-а!», «О-о!». Это не язык,

скажу я вам, даже не сленг. Запомните: похороните родную речь — похороните нацию.

— Ты видел «Древо желания» Абуладзе?

— Пока нет.

— Немедленно посмотри. Великолепная картина!

— Обязательно.

— И поверь мне: Тенгиз еще снимет фильм, в котором заговорит весь народ — и стар, и млад. ...В «Покаянии» Верико сыграла свою последнюю роль в кино — крохотную по объему, но ставшую сразу хрестоматийной.

Пляж. У самой кромки моря, на гальке, сидели мужчины и вели разговор о политике.

Чуть поодаль расположились Верико, Мери и Т. Ф. Макарова. Их занимали совсем другие проблемы. Казалось, наши пространственные рассуждения они в буквальном смысле пропускали мимо ушей.

Но Верико вдруг резко обернулась и обратилась к нам:

— Великие «мудрецы»! Вот вы все знаете. Объясните, пожалуйста, почему человечество уделяет своей истории столько внимания фигурам тиранов? Александр Македонский, Нерон, Тимур, Иван Грозный, Наполеон, Сталин — да разве всех перечислишь! И почему летописцы рисуют их наиболее броскими и сочными красками?

Некоторые высказывания Верико из бесед во время прогулок по берегу моря:

— Кнут Гамсун — тяжелый писатель. Мир его персонажей давит, тянет во тьму. Думаю, закономерно, что норвежский классик симпатизировал нацистам.

— Каждая женщина просто обязана быть красивой.

— Я разделяю далеко не все постулаты коммунистов, однако должна признать: они создали учение, притягательная сила которого воистину огромна. На практике, правда, учение это часто искажается, порой — так, что суть вещей превращается в свою противоположность.

— Жажда власти — духовная чума человечества. От нее — все беды: социально-политические, моральные, бытовые.

— Секс, секс... Эротика — важнейшая составная часть мироощущения. Без нее померкла бы палитра жизни, палитра искусства, без нее мы недосчитались бы многих пластов культуры.

— Бернард Шоу как-то сказал, что молодые — это те, которые завтра станут стариками и старухами. Звучит — споря нет — хлестко, но зло. А в таких случаях, по-моему, за эффектной фразой таится неверная мысль. Дело в том, что молодые есть молодые.

— Я внимательно читаю в газетах все некрологи. И чуть ли не в каждом встречаю оборот: «безвременно скончался» такой-то, «безвременно скончалась» такая-то. Однако, вероятно, есть же люди, которые уходят в мир иной как раз своевременно.

— В нашем Доме творчества по радио часто передают песню, где есть слова: «Первый тайм мы уже отыграли...». Ее поют, по-моему, тридцатилетние... Ты настолько хорошо посвятил меня в футбольные премудрости, что вчера, слушая эту песню, я выстроила себе такую модель. Итак, тайм — тридцать лет. Мне за семьдесят. Выходит, оба тайма — позади. Идет добавочное время, в котором, руководствуясь футбольными параметрами, двадцать лет. Значит, если доживу до восьмидесяти, то последуют серии послематчевых пенальти. А это уже прямой поединок между Жизнью и Смертью.

— Терпеть не могу разглагольствования об интернационализме, о дружбе народов и т.д. и т.п. Это же данность — все люди от рождения равны.

— У грузинского народа тяжелейшая история. Он выжил только благодаря беспредельной любви к Родине и стойкой вере в Бога.

30 сентября — день именин Верико.

После ужина в столовой мы с женой пригласили ее с сестрой Мери в свой номер.

Поставили на стол фрукты, шоколад, пирожные, коньяк «Камю», «Пепси».

Жена преподнесла имениннице гвоздики.

Я разлил коньяк, поднял рюмку, чтобы пожелать Верико здоровья и долголетия, но она опередила меня:

— Тэммо, ради бога, умоляю тебя, не трудись над тостом в мою честь. Лучше сделаю это я сама... Итак, друзья, поднимем бокалы за рабу божью Верико — дочь своего народа, ровесницу жестокого двадцатого века. Ее жизненный путь подходит к концу. Пора подводить итоги. Многие годы Верико пыталась постичь суть бытия. Она старательно изучала наследие великих мыслителей и художников. Библия и труды классиков марксизма-ленинизма, творения Гомера и Достоевского — эти и другие вместилища опыта Homo sapiens вели ее к пониманию гармонии Мироздания. В зрелом возрасте наконец Верико открылась главная истина: Время эфемерно, а Вечность незыблема. Это помогло ей жить. Была ли она счастлива? Да, когда выходила на сцену, когда передавала людям невидимые лучи Любви и Добра. Судьба не щадила ее, заставив похоронить спутника жизни и — что особенно чудовищно! — сына, существо, которое она породила. Но у Верико осталась Софья, остались внуки, близкие друзья. Она к тому же знает: Время эфемерно, а Вечность незыблема... Короче — оценим то, что сейчас мы вместе, и сделаем по глотку за ангела-хранителя Верико.

Тимур ГВАРИШВИЛИ.

К нам подошла Верико...

— Они! — Верико кивнула на заднее сиденье, где разместились Рамаз и я.

— Почему? — поинтересовался кто-то из нас.

— Сегодня я играла «на тебя, Тэммо» и «на Рамаза», а вы все время перешептывались, пялили глаза на смазливую соседку слева. Чтоб больше вашей ноги не было на моих спектаклях! И вообще — ходите-ка лучше в свой Тюз: Красную Шапочку там, кстати, играет весьма аппетитная молодая актриса.

Верико на несколько секунд умолкла, бросила рассеянный взгляд на безлюдную темную улицу, по которой мы ехали, затем опять заговорила, обращаясь на сей раз только к водителю Мише:

— А с другой стороны... Какая я для них Юдифь?! Всего за два часа до спектакля они видели, как у меня подгорела каша, как я, уже выходя из дома, порвала чулок.

Летние каникулы 1945 года Рамаз, я, наш общий приятель Бадри Кобахидзе, Сопико и моя сестра Русико проводили на даче моего отца в Кикети.

Рамаз учился в ГИТИСе, Бадри — в Тбилиском театральном институте, я — во ВГИКе. Все мы трое только что окончили первый курс, перешли на второй.

Месяц в Кикети за нами «наблюдала» мать Бадри, ее сменила Верико.

Как-то за ужином она сказала, обращаясь ко мне, Рамазу и Бадри:

— Вот, вторую неделю смотрю на вас и все больше убеждаюсь: ничего-то толкового вы в искусстве не сделаете.

Мы удивленно переглянулись.

— За это время, — пояснила Верико, — никто из вас не испытал потребности увидеть восход солнца, поговорить с крестьянином, который каждое утро доставляет нам на своем ослике мацони, рассказать Сопико перед сном какую-нибудь занимательную историю или сказку.

Рамаз и его жена Галя собирались на спектакль во МХАТ.

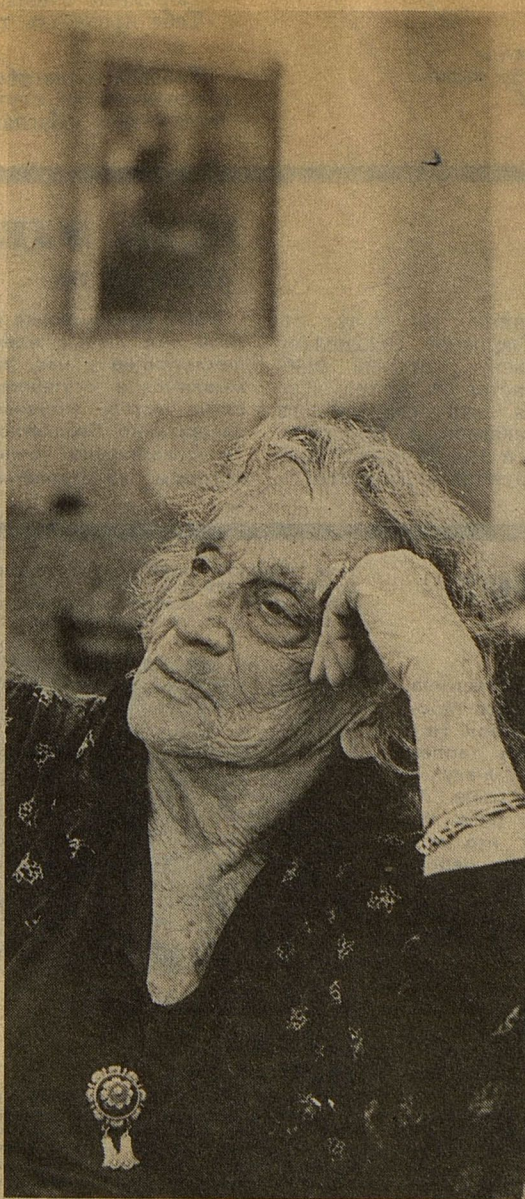
Он старательно колдовал над узлом галстука, она подбирала бусы к платью.

— Галя, а Рамаз все-таки, я вижу, очень любит тебя, — заметила Верико. — Если б не ты, он наверняка отправился б сегодня в цирк.

Желая заступиться за цирк и за Рамаза, я высказал довольно банальную мысль о том, что каждый вид искусства хорош по-своему.

— Прошу только: не вздумай опять доказывать мне, что футбол — тоже вид искусства, что у него особая, недоступная людям старшего поколения эстетика, — уже сердито бросила мне Верико.

Корреспондентка одной из центральных газет брала интервью у актрисы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ